

Прекращение господства японских денежных знаков в экономике Дальнего Востока России (1922—1925 гг.)

Наталья Владимировна Потапова,

доктор исторических наук, профессор кафедры российской и всеобщей истории Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.
E-mail: napotapova@yandex.ru

Андрей Леонидович Киселёв,

соискатель кафедры российской и всеобщей истории Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск.
E-mail: and94859610@yandex.ru

В статье исследуется комплекс мероприятий советской власти, направленных на борьбу с господством иностранной валюты на Дальнем Востоке России после прекращения военной интервенции, с конца 1922 по 1925 г., на примере японской иены. Работа нацелена на реконструкцию процесса вытеснения японской иены из денежного оборота региона. В научный оборот вводятся неопубликованные архивные материалы, даётся обзор имеющихся опубликованных источников. В основу исследования положен анализ организационно-правового аспекта темы. Указываются проблемы, с которыми пришлось столкнуться местным финансовым органам в процессе утверждения монополии советской валюты. Трудности и длительность этого процесса обусловили: фронтирное положение региона, прочные торговые связи с иностранными государствами, которые поставляли товары первой необходимости на дальневосточный рынок, длительное пребывание на территории японских интервентов и финансовых организаций, агрессивная политика денежной и экономической экспансии по отношению к экономике Дальнего Востока России, проводимая Японской империей в период военной интервенции. Выявляются меры, предпринимаемые для установления валютной независимости региона от зарубежных стран, стабилизации и унификации денежного обращения, приведения последнего в соответствие с общероссийским. Статья предназначена для историков и экономистов, изучающих процессы, происходящие как в ходе Гражданской войны и военной интервенции на Дальнем Востоке России, так и в последующее время.

Ключевые слова: иностранная интервенция, японская иена, денежное обращение, иностранная валюта, денежная экспансия, Дальневосточная республика (ДВР), Дальний Восток России, Япония, Гражданская война, Дальревком, Губфинотдел.

Termination of the Dominance of Japanese Banknotes in the Economy of the Russian Far East (1922–1925).**Natalya Potapova**, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia.E-mail: napotapova@yandex.ru.**Andrey Kiselev**, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia.E-mail: and94859610@yandex.ru.

The paper examines the measures of the Soviet government aimed at combating the dominance of foreign currency in the Russian Far East after the end of military intervention in the region from the end of 1922 to 1925 based on the example of the Japanese yen. The study is aimed at reconstructing the process of displacement of the Japanese yen from the money circulation of the Russian Far East. The paper introduces unpublished archival materials and published sources into scientific discourse. The study is based on the analysis of the organizational and legal aspect of the topic. The problems that local financial authorities had to face during the establishment of the monopoly of the Soviet currency are indicated. The difficulties and duration of this process led to the frontier position of the region, strong trade ties with foreign countries that supplied essential goods to the Far Eastern market, the long stay of Japanese interventionists and financial organizations on its territory, the aggressive policy of monetary and economic expansion towards the economy of the Russian Far East organized by the Japanese Empire during military intervention. The measures taken to establish the independence of foreign currency of the Far East from foreign countries, to stabilize and unify monetary circulation in the region, and to bring it in line with the all-Russian one are identified. The paper is intended for historians and economists who study the processes taking place both during and after the Civil War and military intervention in the Far East of Russia.

Keywords: foreign intervention, Japanese yen, money turnover, foreign currency, monetary expansion, Far Eastern Republic (DVR), Far East of Russia, Japan, Civil War, Dalrevkom, Gubfin department.

Эвакуация японских интервенционистских сил с территории Дальнего Востока России (за исключением Северного Сахалина¹) была завершена 25 октября 1922 г. Это предопределило начало процесса постепенного свёртывания деятельности японских банков и вытеснения японской иены из денежного обращения в регионе. Тема валютного соперничества в современной мировой экономике является весьма актуальной, что обусловило важность изучения исторического опыта финансовой политики Советской России, направленной на устранение конкурентных валют на внутреннем финансовом рынке дальневосточной периферии.

Исследуемая тема мало изучена в историографии. Единственным специальным трудом, в котором рассматривается данная проблема, является работа А.И. Погребецкого, изданная в Харбине в 1924 г. [35]. История финансовой

¹ Северный Сахалин оставался под японской оккупацией до 14 мая 1925 г.

политики на Дальнем Востоке в первые годы советской власти также детально исследовалась Е.И. Пастуховой [31; 32; 33] и Л.А. Слабниной [45; 46], однако вопросы, связанные с прекращением господства иностранной валюты (японской иены) в экономике региона в этот период, не раскрыты в полном объёме. Ценными источниками по теме стали публикации региональной периодической печати — газет и журналов, издаваемых на Дальнем Востоке в 1920-х гг., — затрагивающие вопросы экономики, коммерции и хозяйства. Кроме того, использовались материалы, размещённые на профильных сайтах по бонистике (www.bonistikaweb.ru; fox-notes.ru). Неопубликованные источники по теме удалось обнаружить в Государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ). В частности, большой интерес для исследования представляет «Обзор деятельности Владивостокской конторы Дальбанка за 1924/25 г.», находящийся в фонде Владивостокской конторы Дальневосточного государственного банка [РГИА ДВ. Ф. Р-436. Оп. 1. Д. 1].

Цель исследования: реконструировать ход проведения мероприятий, направленных на вытеснение иностранной валюты (японской иены) из денежного оборота Дальнего Востока России; выявить возникавшие проблемы и пути их решения в процессе формирования валютной независимости региона после завершения Гражданской войны и японской интервенции, в первые годы советской власти. Задачи исследования: изучение финансово-хозяйственных процессов на Дальнем Востоке России в 1922—1925 гг.; анализ нормативно-правовых основ вытеснения японской иены из денежного оборота региона.

В период внутривосточных и геополитических потрясений, вызванных Первой мировой войной, Великой русской революцией и Гражданской войной 1917—1922 гг., Дальний Восток России на протяжении нескольких лет являлся территорией, контроль над которой Россия утратила. Большую роль в этом играла интервенция иностранных держав, где одним из наиболее сильных игроков была Япония, рассматривавшая Дальний Восток России как свою потенциальную континентальную колонию. Высадка первого японского десанта в составе двух рот во Владивостоке произошла 5 апреля 1918 г. [9, с. 112—114, 118—122, 151—152] в ответ на провокационное нападение неизвестных лиц на владивостокское отделение японской конторы «Исидо», в ходе которого два японца были убиты и один ранен [34, с. 158]. К осени 1918 г. японские интервенционистские войска контролировали территорию от Владивостока до Читы. С этого времени здесь начинает складываться система японского административно-военного и финансово-экономического контроля. Одновременно, несмотря на то, что с сентября 1918 г. Дальний Восток формально находился под юрисдикцией Временного Сибирского правительства, а с апреля 1920 г. существовала Дальневосточная республика (ДВР) и дальневосточные земли формально входили в состав территории этого непризнанного государства, здесь действовали регулярно меняющиеся разнообразные правительства и режимы (от буржуазно-демократических до реакционно-монархических), процветала «атаманщина». Данное время характеризуется чрезвычайной пестротой денежных знаков на региональном финансовом рынке. Ю.Н. Ципкин так описывал эту ситуацию: «В период 1918—1920 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке ходили почти 125 родов денежных знаков. Свои деньги выпускали Временное Сибирское правительство, колчаковское правительство, казачьи

атаманы. Это были гербовые и контрольные марки, боны отделений госбанка, временные квитанции, акцептованные чеки, чехословацкие почтовые открытки... Свою валюту навязывали населению интервенты. На Дальнем Востоке по стихийно складывавшемуся курсу ходила иена „Чосен банка“, отпечатанная на плохой бумаге. Она способствовала выкачке российских богатств за границу» [48, с. 52].

Стоит отметить, что немалую конкуренцию японским иенам составляли тогда и американские денежные знаки, в том числе и доллары, также на Дальнем Востоке имели хождение банкноты, изготовленные в США ещё по заказу Временного правительства в 1917 г. «В конце 1918 г. во Владивосток прибыл американский транспорт „Шеридан“, на борту которого находились дензнаки на 1 млрд руб... Кроме того, в США были заказаны казначейские знаки на 20 млн руб. 5-рублёвого и 3-рублёвого достоинства... В начале июня 1919 г. во Владивосток из США прибыли 50-копеечные кредитные билеты на 25 млн руб. и 600 ящиков 25- и 100-рублёвого достоинства» [48, с. 53, 188]. Данные денежные знаки в 1920 г. были использованы Временным правительством Дальнего Востока — Приморской областной земской управой — в ходе денежной реформы. Вскоре, после предварительного штемпелевания, они применялись Временной земской властью Прибайкалья и ДВР. В Приморье в этот период, несмотря на то что ходило много самых разных валют, главной была иена. По информации дальневосточных изданий, в июне 1921 г. её курс в Приморской области выглядел следующим образом: 1 тыс. руб. «романовскими» (дореволюционными) деньгами обменивалась на 120 иен, 1 тыс. руб. «керенками» — на 1,8 иены, 1 тыс. руб. «сибирскими» (колчаковскими) — на 1 иену [40, с. 1; 41, с. 1; 42, с. 1]. Временное Приамурское правительство, утвердившееся в тот период во Владивостоке, пыталось упорядочить курсы валют и укрепить положение российского золотого рубля. Однако дефицит бюджета, изъятие из обращения денежных знаков ДВР обусловили дефицит наличных денег в области, который стал хроническим и был характерен не только для Приморья, но и для других районов Дальнего Востока [21, с. 100—101; 48, с. 189]. Это приводило к выводу из обращения и нехватке золота и серебра, переходу населения на натуральный обмен и усилению позиций иены, поддерживаемой японской военной администрацией, японскими банками и компаниями, действовавшими в регионе.

Японские интервенционистские войска вышли из Владивостока, а части Народной революционной армии заняли его 25 октября 1922 г. [3, с. 1; 39, с. 1—2], 14 ноября 1922 г. была ликвидирована ДВР. Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), приняв к сведению постановление Народного собрания ДВР о самороспуске [1, с. 1; 37, с. 1—2] и о присоединении ДВР к Советской России, объявил территорию республики «нераздельной составной частью РСФСР» [5, с. 1]. Высшим органом центральной власти на Дальнем Востоке в этот период являлся Дальревком, непосредственно подчинявшийся ВЦИК и Совету народных комиссаров (СНК) РСФСР и работавший под руководством Дальбюро ЦК РКП(б) [10, с. 1; 25, с. 7—8]. С этого момента советская власть постепенно начинает укреплять свои позиции и упорядочивать ситуацию на финансовом рынке региона. Впрочем, её органы сразу отказались от скоропалительных решений в данном вопросе.

В ноябре 1922 г. на первом же заседании Совещания по проблемам экономической политики на Дальнем Востоке, созванного при Народном комиссариате внешней торговли (НКВТ), докладчик от НКВТ Пригарин сообщил, что «в области общеэкономической политики на Дальнем Востоке НКВТ не предполагает проводить жёсткую линию. НКВТ не считает возможным в данной обстановке производить коренную ломку...» [14, с. 401]. Он отметил также: «Что касается денежной системы, существующей на Дальнем Востоке, то НКВТ считает необходимым временно её сохранить, вводя, однако, обязательное хождение советских знаков наравне с существующей в ДВР денежной системой» [14, с. 401]. На основе этих предложений НКВТ совещание приняло соответствующие решения, отличающиеся взвешенностью и гибкостью.

Проводимая молодым Советским государством новая экономическая политика потребовала коренной реформы его финансовой системы, которая осуществлялась в течение 1922—1924 гг. 26 августа 1923 г. по предложению Ф.Э. Дзержинского был принят первый законодательный акт о денежном обращении, он частично ограничил свободу хождения в стране дореволюционного золотого и серебряного рубля, произошла их замена советскими денежными знаками. Основной смысл реформы заключался не только в обеспечении внутреннего оборота твёрдой и устойчивой валютой, но в отказе от экономической замкнутости, выходе на мировой рынок в качестве равноправного партнёра [8, с. 128].

Реальную потребность внутреннего денежного оборота Дальнего Востока России к моменту установления советской власти современники оценивали в 15—20 млн денежных знаков [35, с. 399]. В регионе к концу 1922 г. в обращении были русский рубль и русская золотая монета, серебряная монета царской чеканки. В Амурской губернии имели хождение китайские денежные знаки (даяны), в Приморье — иена, в северных уездах Камчатки — американский доллар [8, с. 138; 29, с. 266]. Из всех валют, представленных на дальневосточном финансовом рынке, японская иена в этот период являлась господствующей, перекрывая потребности региона в денежных знаках. Сразу после прекращения интервенции директор владивостокского отделения японского «Чосен банка» Ито заявлял, что «общая сумма кредитных билетов банка, имеющих хождение во Владивостоке и Приморье, к августу 1922 г. достигла 10 млн иен, т.к. русские деньги почти не имеют никакой ценности, хозяином положения являются кредитные билеты „Чосен банка“. Уход японских войск ни в коем случае не отразится на указанных деньгах» [18, с. 1]. Этой же суммой определял в 1923 г. количество обращавшихся на рынке региона иен один из обозревателей хозяйственного положения края А.Д. Орлов в сборнике «Приморье, его природа и хозяйство» [29, с. 288]. А.И. Погребецкий пришёл к следующему выводу: «Таким образом, фактически основным денежным знаком в Приморье была японская иена, серебряная русская монета являлась монетой подсобной, а золотая монета, не играя роли в денежном обращении, превратилась в товар» [35, с. 399].

Причина данной ситуации была в том, что ещё со времён японской интервенции в край ввозилось большое количество иен. Много иен оседало у местного населения, которое привыкло, что этот денежный знак не претерпевает сильных изменений в курсе. Значение также усилилось в связи

с происходящими во Владивостоке массовыми продажами товаров со складов таможни с приёмом платежей иенами. Местные власти пытались предпринять определённые шаги по отношению к иене, но пока ещё они должны были принимать её в качестве уплаты налогов. Кроме этого, иена продолжала проникать в край в виде платежей за лесные концессии, за аренду рыболовных участков и за местные товары, вывозимые в Японию [29, с. 287–288].

Активное участие во введении в оборот иностранной валюты принимали открывшиеся с началом военной интервенции на территории региона отделения иностранных банков, которые стремились влиять на экономику края в своих интересах. После освобождения Приморья от иностранной интервенции отделения французского и американского банков самостоятельно прекратили денежные операции. Японские «Чосен», «Йокогама Спеш» и английский «Гонконг-Шанхайский» банки продолжали их [8, с. 138–139]. «Йокогама Спеш банк» приступил к ликвидации своих операций в 1923 г., а в марте 1924 г. произошло его формальное закрытие. В 1925 г. он поднял вопрос об открытии своего отделения во Владивостоке вновь. Но вопрос был решён отрицательно. Местное отделение «Гонконг-Шанхайского банка» закрылось в сентябре 1925 г., хотя свои операции прекратило ещё ранее. Отделение «Чосен банка» продолжало деятельность на территории русского Дальнего Востока вплоть до конца 1930 г. [17, с. 105–106].

Руководитель Губернского финансового отдела (Губфинотдел) считал, что «...оставление на неопределённое время существующего господства в Приморье иностранной валюты в роли денег совершенно противоречит государственным интересам. Ближайшей задачей правительства должна быть замена чужих денег советскими» [29, с. 288].

Прекращение интервенции в октябре 1922 г. и освобождение Приморья, предварившее присоединение Дальнего Востока к Советской России, сразу же поставило острый вопрос об активной борьбе с иностранной валютой — главным образом с иеной, «игравшей здесь роль проводника японского экономического влияния» [22, с. 17; 13]. Политическая и экономическая необходимость борьбы с иеной как с остатком или в своём роде с арьергардом японской интервенции была очевидна. Но победившая советская власть не в полной мере осознавала как трудности этой борьбы, так и её методы. Сложность заключалась в доминирующем положении, которое иена заняла в местном хозяйственном обороте в качестве фактической основной денежной единицы и преобладающего предмета денежного обращения [13, с. 29]. Методы же не были понятны в связи с беспрецедентностью ситуации и вырабатывались самой практикой.

Кроме японской иены в денежном обращении в этот период присутствовали царские серебряные монеты, а также бумажные банкноты японского «Чосен банка» номиналом 10, 20 и 50 сен. Речь идёт о выпущенных в 1919 г. банкнотах, на обороте которых для быстрого «усвоения» местным населением имелись надписи на русском языке: номинал, наименование банка и возможность обмена на японские денежные знаки в отделениях «Чосен» [50, с. 253]. Эти деньги были не выгодны населению, так как разница в курсе между бумажной иеной и золотом создавала такое же несоответствие курсовой цены мелких японских знаков и серебряных монет. Там, где нужно было заплатить 10 коп. золотом,

приходилось давать 10 сен, составляющих около 9 коп., и прибавлять билонный серебряный гривенник, стоящий свыше 3 коп. Японские деньги были истрёпаны, склеены и загрязнены. Они быстро изнашивались и утрачивались, что давало «Чосен банку» значительную прибыль, так как, исчезая из оборота, банкноты в последующем не предъявлялись к оплате [23, с. 4].

Финансовая политика молодой советской власти в регионе, как и на уровне общероссийских ведомств, оказалась достаточно гибкой. 12 ноября 1922 г. на заседании Совета депутатов председатель Губревкома Л.Н. Бельский², отвечая на один из вопросов после своего доклада, «Какие будут ходить деньги?», указал, что «те же, что и до сих пор». Речь шла о денежных знаках, имевших хождение на территории ДВР до присоединения к РСФСР. Это было связано с тем, что область, как и раньше, оставалась на особом положении. Закупки всего необходимого производились за границей, а там принималась исключительно валюта. «Запретить хождение иены мы не можем, и она будет приниматься по соответствующему курсу», — отмечал в своей речи Л.Н. Бельский [16, с. 3]. Такое положение должно было продолжаться до тех пор, пока Советская Россия не укрепит в регионе экономически и не решит вопрос с его снабжением необходимыми продуктами. В связи с этим введение советских денежных знаков признавалось преждевременным мероприятием. Параллельное хождение русской валюты — золота и разменного серебра³ — не запрещалось.

Вскоре отдел финансов Приморского губернского военного революционного комитета (Губфинотдел) принял и довёл до всеобщего сведения постановление от 24 ноября 1922 г., касающееся вопросов урегулирования денежного обращения в Приморской губернии. Устанавливалось требование: проводить все денежные расчёты в Приморской губернии, внутри правительственных учреждений, а также при товарообмене между промышленными предприятиями и расчётах Губфинотдела денежно-имущественного характера с частными лицами, частными лицами между собой и казной, — золотым рублём. При этом иностранные денежные знаки, как и «разменная звонкая монета», должны были приниматься по установленному курсу. Право определять для всей губернии курс иностранных денежных знаков и «разменной звонкой монеты» по отношению к золотому рублю, в соответствии с их платёжной способностью на торгово-промышленном рынке, поручалось Губфинотделу совместно с Ревкомом. Лица и учреждения, нарушившие данное постановление, преследовались по закону [12, с. 1]. 6 декабря 1922 г. Дальревком ввёл запрет на банковские операции: переводы, векселя, ссуды, инкассо, — касающиеся частных лиц, а также фирм, а вскоре были введены в действие декреты СНК РСФСР, определяющие проведение всех финансовых операций через учреждения Госбанка [8, с. 138].

² Бельский Лев Николаевич (1898—16.10.1941). Полномочный представитель ГПУ (Главного политического управления) на Дальнем Востоке (с 03.02.1922 по 26.10.1923 г.). После занятия Владивостока войсками ДВР 31 октября 1922 г. вместо Военно-революционного комитета (сформирован местным подпольем) был создан Приморский областной военно-революционный комитет, во главе которого стал Л.Н. Бельский.

³ Речь идёт о дореволюционных золотых и серебряных монетах бывшей Российской империи.

На совещании Приморской окружной торгово-промышленной палаты в начале февраля 1923 г. был определён приоритет в финансовой политике региона, прямо заявлялось, что «умы и общественных и государственных деятелей должны быть направлены в сторону установления и внедрения здесь русской валюты и вытеснения валюты иностранной, главным образом, японской иены. В этих целях Совещание признало необходимым внедрение на Дальнем Востоке новых советских банкнот в 10 зол. руб., обеспеченных золотым запасом червонцев» [14, с. 427].

Для рассмотрения данного вопроса при Губфинотделе 27 марта 1923 г. было создано совещание местных представителей хозяйственных госорганов, которые выделили из своего состава техническую комиссию специалистов для разработки практических предложений. На обсуждение комиссии выносились следующие вопросы: 1) выяснение и характеристика денежного обращения, фактически существующего в Приморской губернии; 2) выяснение наиболее желательной и осуществимой формы денежного обращения для Примгубернии; 3) введение в обращение в Приморской губернии банкнот Госбанка (червонца); 4) меры к сокращению обращения иены в Примгубернии; 5) отношение к ввозу бумажных иен в Примгубернию и к банкнотам «Чосен банка»; 6) потребность в мелких разменных знаках; 7) меры к выяснению расчётного баланса по внешним сношениям Приморской губернии. По окончании работы комиссии планировалось созвать совещание в расширенном составе для итогового определения отношения госорганов к мероприятиям по прекращению обращения в Приморской губернии японской иены и замене её советскими деньгами [29, с. 287—288].

Активизации целенаправленной работы местных финансовых органов по вытеснению иены из денежного оборота региона способствовало и принятие постановления ВЦИК и СНК РСФСР об укреплении государственной монополии внешней торговли от 12 апреля 1923 г., поставившее под жёсткий правительственный контроль торговые операции на внешних рынках, очертившее перечень субъектов внешнеэкономической деятельности и призвавшее «усилить репрессии в отношении нарушителей интересов государства в области монополии внешней торговли» и «возбуждать уголовные преследования против российских граждан, как частных, так и должностных лиц, за нарушение узаконений о внешней торговле» [РГИА ДВ. Ф. Р-436. Оп. 1. Д. 1. Л. 45 об.].

В апреле 1923 г. при местном Губфинотделе была создана специальная комиссия, которой поручалось заниматься вопросами снижения господствующей роли иены и перевода денежного обращения региона на твёрдую советскую валюту. Предпочтение отдавалось советскому червонцу со следующими условиями: 1) установление правил его обмена и размена на иностранную валюту и серебро; 2) организация снабжения региона советскими товарами в массовом масштабе для ослабления спроса на иены и придания червонцу повышенной покупательной способности [47].

Кроме того, 17 марта 1923 г. во Владивостоке была создана Дальневосточная краевая контора Государственного банка, которая начала открывать свои отделения во многих городах региона [29, с. 264; 49, с. 61]. Основными задачами, стоящими перед Госбанком в первое время, были «популяризация и внедрение в оборот советского червонца» и «изжитие чосен-банкнот» [43, с. 57].

С 12 февраля 1923 г. уже активно действовали отделения Дальневосточного банка [29, с. 265], и к 1924 г. в регионе осуществляло работу уже 31 отделение советских банков, ставших организаторами денежного оборота и кредитными центрами. В 1925 г. советские отделения Госбанка сосредоточили у себя 96% финансовых средств по сравнению с 58% в 1923 г. [8, с. 139].

В Чите с 9 по 14 июля 1923 г. прошёл первый Дальневосточный съезд финансовых работников. На нём выступил Р.Я. Карклин⁴. Сразу же после речи ему задали вопрос: «Что будет с иеной в Приморье?». Был получен следующий ответ: «Иена нам не нравится. В сильном советском государстве нетерпимы японские деньги. Конечно, мы понимаем, чьи деньги, того влияние. Всё зависит от быстроты внедрения червонца. Теперь японского Эмиссионного банка не будет, у нас есть свой. Если „Чосен банк“ захочет работать — пусть работает, мы рады иностранному капиталу, но не как Эмиссионный банк. Если наше хозяйство на Дальнем Востоке будет регулировано, то мы избавимся от иены. Сейчас курс иены на Амуре ненормален — 11,3 за десятку. Иена твёрдая валюта на мировом рынке. Мы начинаем борьбу с десяткой, ибо, если не хватит оборотных средств, будем работать и с иеной, но искусственно иены понижать не будем. Но повторяю, иена сама уйдёт с внедрением червонца» [7, с. 21].

Обращение японской валюты было разрешено до конца 1923 г., но она продолжала хождение и позднее. «Видимо, сказывалось доверие, да и привычка местного населения к иене как устойчивому денежному знаку, сильно отличавшемуся от падавшего советского денежного знака» [44, с. 308]. Такую ситуацию обусловило то, что Приморье, политически воссоединившееся с Советской Россией в октябре 1922 г., первое время экономически оказалось оторвано от центра. Периферийное положение Дальнего Востока обязывало местные власти учитывать специфику его финансового рынка и экономические связи со странами региона. Так как отрыв экономики Приморья от хозяйственной жизни других районов государства продолжался около пяти лет, то в экономическом отношении край, по оценкам советских экспертов, продолжал подчиняться соседним странам. В результате этого в Приморье прочно укрепился тот денежный знак, который господствовал в зоне фронта — в прилегающих районах Китая, в Японии, — японская иена, ставшая «заместительницей русского рубля». Она, заполнив каналы денежного обращения, превратилась в привычное орудие расчёта, платежа и сбережения [23, с. 3].

Коренным переломом борьбы с иностранной валютой можно считать принятие постановления ЦИК и СНК СССР от 3 августа 1923 г. «О денежном обращении на Дальнем Востоке», пункт 5 которого гласил: «Государственным и коммунальным предприятиям и учреждениям и кооперативам воспрещается производство и приём платежей иностранной валютой, за исключением случаев совершения сделок с предприятиями, находящимися за границей» [19].

Введение в действие постановления ЦИК и СНК СССР от 3 августа 1923 г. на Дальнем Востоке было ускорено стихийным бедствием — землетрясением, произошедшим в сентябре 1923 г. в Японии. «Японская катастрофа, вызвав

⁴ Карклин Роберт Янович (1892—15.02.1938). В 1923 г. — уполномоченный Наркомфина РСФСР по Дальнему Востоку.

необычайное напряжение финансовых ресурсов Японии, до некоторой степени пресекала её агрессивность в её дальневосточной политике. Это облегчало для русского Дальнего Востока России замену проникшей в край иены своими денежными знаками» [35, с. 295].

Харбинская газета «Заря»⁵ в № 134 от 18 сентября 1923 г. напечатала заявление нового уполномоченного Наркомата финансов (НКФ) на Дальнем Востоке Барышников, который, будучи в середине сентября 1923 г. проездом в Харбине, заявил: «Катастрофа в Японии сильно повлияла на положение иены на нашем денежном рынке, что, несомненно, благоприятно отразится на русской денежной единице. Настоящий момент является самым удобным для проведения крупной финансовой реформы» [35, с. 395].

Уже 20 сентября 1923 г. Дальревком постановил «ввести в действие на территории ДВО постановление ЦИК и СНК СССР от 3 августа 1923 г.» [28, с. 4; 35, с. 396]. 1 октября 1923 г. оно стало действовать в Приморской губернии. Однако и на этом этапе, учитывая то положение, которое японская иена уже успела приобрести в Приморье, региональные власти предусмотрели небольшой переходный период. С 9 октября 1923 г. Дальревком, «учитывая, что у населения Приморской и Камчатской губерний, особенно в сельских местностях и в отдалённых промысловых районах, сохранилось некоторое количество японских иен», постановил: «в изъятие указанного пункта пятого разрешить государственным, коммунальным и кооперативным кассам Приморской и Камчатской губерний приём и выдачу японских иен по курсу котировальной комиссии при Уполномоченном Наркомата финансов до 1-го декабря т.г.» [35, с. 396]. Почти сразу был установлен курс на червонец, или на 10 руб. золотом, в 11 иен 80 сен.

Публикуя постановление Дальревкома, Приморский Губисполком предупреждал, что «после первого декабря 1923 г. приём иен безусловно воспрещается». Комментируя постановление Губисполкома, официальный орган «Красное Знамя» в номере от 17 октября 1923 г. писал: «Постановление Приморского Губисполкома о денежном обращении в нашем крае ставит точку над „i“, подводя окончательный итог дальневосточным событиям за последние шесть лет. 1-го декабря оканчивается последний этап борьбы за независимость русского Дальнего Востока. В первых числах апреля 1923 г. ушло из Владивостока последнее японское судно, стоявшее на нашем рейде со дня фактического начала интервенции. Этим заканчивалась последняя страница истории закрепления японского влияния при помощи вооружённой силы. Попытки борьбы с денежной интервенцией, проводимые на Дальнем Востоке, — введение буферных денег и разменного серебра — потерпели в своё время неудачу и были вытеснены японской бумажной валютой. Это объяснялось экономической слабостью Дальнего Востока; но одна из главных причин наших неудач крылась в присутствии нескольких японских дивизий и в том, что японское правительство выбрасывало на наш денежный рынок сотни миллионов иен в уплату за содержание войск и как жалование этим войскам. Ни одно правительство в мире, желающее быть независимым и свободно распоряжающимся на своей территории, не могло согласиться на свободное

⁵ «Заря» — ежедневная демократическая газета. Выходила в Харбине в 1920—1938 гг.

хождение иностранной валюты в своей стране. У нас же на Дальнем Востоке иена не только ходила свободно, но и заменила собой государственный платёжный знак, внедряясь в глубокие массы и доходя до самой отдалённой крестьянской хаты. Чтобы быть независимым политически, чтобы иметь возможность бороться с чужеземным экономическим влиянием, в целях охранения достоинства государства и его суверенитета, — необходимо было покончить с денежной интервенцией. Это заставило советскую власть и её хозяйственные и финансовые органы „суживать зону распространения иен для того, чтобы окончательно вытеснить её с внутреннего рынка“ [38, с. 399—400].

Рассуждая об этом постановлении, сотрудники Владивостокского фондового отдела при Товарной бирже писали: «Если до сих пор иностранная валюта свободно обращалась здесь в качестве денег, то теперь эта роль валюты считается конченной. В частности — циркулирующая в каналах денежного обращения иена, которая ещё недавно была заместительницей зол. рубля, должна будет вернуться к первобытному своему состоянию чужой валюты, предназначенной исключительно для расчётов по внешней торговле. С 1-го декабря правительственные учреждения и кооперативы совершенно перестанут принимать иену» [4, с. 1].

Несмотря на принятое постановление Губисполкома и невыгодный курс в 11 иен 80 сен за червонец, вскоре выяснилось, что изъятие из денежного обращения региона иены является делом, требующим значительно более длительного времени, нежели предполагаемый срок в 2 месяца. Постановление сразу отразилось на экспортном транзите Эгершельда⁶: экспортёры, работая в Харбине и имея аккредитивы исключительно в иенах, стали уклоняться от поставок грузов через Владивосток (Эгершельд), направляя их на Дайрен. В результате Дальревком был вынужден, согласовав решение с уполномоченным НКФ СССР на Дальнем Востоке, разрешить Уссурийской железной дороге в вопросах экспортных перевозок не руководствоваться постановлением о неприёме иен после 1 декабря 1923 г. Харбинскому коммерческому обществу «Уссурийская железная дорога» было предоставлено право выдавать банкам и экспортным фирмам соответствующие письменные гарантии. Во исполнение нового предписания 16 ноября 1923 г. в харбинских газетах появилось следующее объявление: «Уссурийская железная дорога объявляет, что ею и после 1-го декабря с. г. будут приниматься японские иены в платежи по всем экспортным перевозкам через Эгершельд, при чём приём иен обеспечен на всё время экспортной компании». Открывая Фондовый отдел Владивостокской биржи 24 октября 1923 г., уполномоченный НКФ СССР на Дальнем Востоке вынужден был отметить, что «японская иена отнюдь не вытесняется окончательно, но она будет обращаться не как узаконенный знак, а как иностранная валюта. Всякий может её хранить, где ему угодно у себя или в банке на счёте валюты» [35, с. 401].

⁶ Зерно из Маньчжурии доставлялось на европейский и азиатский рынок по двум направлениям: восточное — по Китайско-Восточной железной дороге с выходом на порт Владивосток (Эгершельд), южное — по Южно-Маньчжурской железной дороге с выходом на порт Дайрен.

Послабления для Уссурийской железной дороги впоследствии пришлось распространить и на другие учреждения, так как край, несмотря на осуществлённую лицензионную политику власти, продолжал всё же свои коммерческие сношения с районами, работавшими за японские иены; последними же производилась оплата таможенных пошлин и аренды по сдаваемым японским гражданам рыболовным участкам [35, с. 401].

Дальневосточные власти, вынужденные принимать иену, осуществили по отношению к ней регулировку курса. Взамен прежнего курса червонца (золотой десятки) в 11 иен 30 сен и установленного в октябре 1923 г. курса в 11 иен 80 сен, с 20 марта 1924 г. «для приёма японской иены таможенными учреждениями и кассами НКФ в предусмотренных законом случаях» курс стал 12 иен 50 сен. Данная информация была размещена в Бюллетене Владивостокской товарной биржи от 9 марта 1923 г. № 39 [35, с. 401].

Несмотря на принятые меры, фактический курс иены на рынке оставался значительно выше. При этом он разнился как при официальных, так и при частных сделках [35, с. 401]. При официальном курсе с 20 марта в 12 иен 50 сен бюллетень отмечает курс рынка 20 марта — 11 иен 84 сены, а 3 апреля — 12 иен 12 сен [35, с. 401—402]. Из приведённых данных становится очевидной невыгодность взносов иенами в кассы госучреждений, находящиеся под финансовым контролем власти. По мере перехода народного хозяйства края на советскую расчётную единицу, иена должна была постепенно уходить из денежного оборота, теряя на рынке своё прежнее доминирующее положение [35, с. 401—402].

В середине марта 1924 г. на дальневосточном рынке наблюдалось падение курса иены. Если 10 марта за 1 америк. долл. давали 2 иены 27 сен, то 15 марта — 2 иены 41 сену. Аналогичная ситуация отмечалась и в отношении иены и других валют. Так, 10 марта за 1 ф. ст. давали 9 иен 69 сен, а 15 марта — 10 иен 32 сены. На рынке фиксировалось усиленное предложение иены [36, с. 1]. Одновременно из пограничной Маньчжурии поступали новости о состоявшемся совещании властей её трёх провинций по экономическим вопросам. На нём было принято решение запретить хождение в Маньчжурии денежных знаков иностранных банков. Одновременно планировалось закрыть меняльные лавки. Так как в этот период в Маньчжурии кроме иены никаких других денежных знаков иностранных банков не ходило, то становилось понятно, что решения экономического совещания касались деятельности «Чосен банка», японской и корейской иены [6, с. 1].

В мае 1924 г. газета «Красное знамя» [28, с. 4] разместила информацию, что при взимании таможенных пошлин и сборов таможенными учреждениями и в тех случаях, когда по закону допускается приём иностранной валюты, подлежит руководствоваться постановлением Дальревкома от 26 октября 1923 г. и принимать иностранную валюту по курсу, установленному комиссией при Управлении уполномоченного НКФ на Дальнем Востоке.

Переломным периодом борьбы с господством в регионе иностранной валюты, прежде всего — японской иены, стал конец 1924 г., когда Приморский Губисполком объявил о том, что в соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК от 15 февраля 1923 г. и Постановлением Дальревкома от 7 декабря 1923 г.

устанавливается порядок внутреннего обращения иностранной валюты и валютных операций. Владение иностранной валютой не воспрещалось, но определялись основания её покупки, продажи и хранения государственными предприятиями и учреждениями, а также частными лицами. Но главное — новый порядок запрещал обращение иностранной валюты «на внутреннем рынке в качестве платёжного средства (приём иностранной валюты в уплату за продаваемые товары) в магазинах, лавках, на базарах и других торговых и промышленных предприятиях и, вообще, употребление иностранной валюты во внутренних расчётах вместо денег». Единственным платёжным средством на территории СССР были определены исключительно советские червонцы, казначейские билеты и бонны, а также советская серебряная и медная монеты [26, с. 6]. Заведующий Губфинотделом И.М. Витол в интервью корреспонденту газеты «Красное знамя», комментируя новый закон, также заявлял, что «иностранная валюта не должна иметь одновременного хождения в магазинах и лавках на базаре в роли денег» [20, с. 2].

Ещё в октябре и ноябре 1924 г. японская иена свободно ходила в обращении на внутренних рынках региона, но уже с 1 декабря 1924 г. она была лишена значения денег, и к этому времени уже окрепли советские денежные знаки — червонцы и казначейские билеты [РГИА ДВ. Ф. Р-436. Оп. 1. Д. 1. Л. 22]. Иностранная валюта постепенно оседала в кассах банков и на руках отдельных держателей, превратившись в товар, достать который в больших количествах было трудно. Спрос и предложение иностранной валюты на Дальнем Востоке России регулировали российские Государственный банк, «Дальбанк», японские «Спеши» и «Чосен» банки и английский «Гонконг-Шанхайский банк» [14, с. 425—426; РГИА ДВ. Ф. Р-436. Оп. 1. Д. 1. Л. 23].

В процессе проведения мероприятий в рамках унификации денежного обращения и денежной реформы, незадолго до окончания последней, в соответствии с указанием из Москвы была организована работа по контролю за исполнением действующего законодательства в вопросах обращения иностранной валюты. Основной упор делался на то, что она не могла больше являться законным платёжным средством и — соответственно — приниматься в качестве денег даже добровольно. Её владение и хранение не запрещались, но покупка, продажа и различные сделки с нею могли совершаться только в банках и на фондовой бирже. Как показали проверки, на рынках и базарах региона по-прежнему принимались иностранные денежные знаки как оплата товара. В конце ноября 1924 г. в ходе проверки наличности касс торговых предприятий Владивостока в случае обнаружения иностранной валюты составлялись акты для последующего привлечения виновных к ответственности. В дальнейшем планировалось проведение аналогичных контрольных мероприятий в сфере розничной торговли, наблюдения за рынками и магазинами [27, с. 5].

В феврале 1925 г. газета «Красное знамя» сообщила, что, по сведениям из Губфинотдела, в деревнях Приморской губернии «иностранная валюта (в частности, иена) и старое серебро совершенно вышли из обращения» [11, с. 4]. В то же время казначейских билетов и советского серебра в обращении имелось вполне достаточно, но при этом медных монет и банкнот местами не хватало. С целью

пополнения их запаса Губфинотдел отправил запрос, в ответ на который ожидалась доставка значительной партии медной монеты советского чекана.

Укрепление советского денежного знака ослабило позиции японской иены на Дальнем Востоке СССР, что выразалось в сокращении её обращения на внутреннем рынке региона и являлось показателем правильности проводимых мероприятий [8, с. 139].

В беседе с корреспондентом владивостокской газеты «Красная звезда» уполномоченный НКФ на Дальнем Востоке Измайлов сообщил следующее: «Постановление Губисполкома о порядке внутреннего обращения инвалюты воспроизводит основные положения советского законодательства о существовании и порядке производства операций с иностранной валютой...

Наше законодательство построено на началах признания иностранной валюты, как законного средства расчётов по иностранным обязательствам и сделкам. В этом своём значении иностранная валюта разрешается к обращению на внутреннем рынке, и покупка и продажа её могут проводиться всеми учреждениями, предприятиями и частными лицами как через посредство банков, так и между собой непосредственно в фондовых отделах товарной биржи.

Обращение же иностранной валюты для расчёта по внутренним сделкам имеет в настоящее время чисто историческое значение, так как внутренний денежный рынок достаточно обслуживается советскими твёрдо-валютными деньгами, которые фактически уже вытеснили из внутреннего обращения инвалюту. Но вместе с тем никому не возбраняется помещать свои сбережения и оборотные средства в иностранную валюту, хранить её и оперировать ею в неограниченных количествах для вышеуказанных коммерческих целей. В этом отношении наше законодательство ничем не отличается от аналогичных постановлений иностранных государств с устойчивым денежным обращением.

Следует особо отметить, что устанавливая по государственным соображениям специальный разрешительный порядок для операций с иностранной валютой, совершаемых госорганами и кооперативными учреждениями, закон в этом отношении не ставит никаких стеснительных норм для сделок с иностранной валютой, проводимых частными предприятиями и лицами. Это имеет крупнейшее значение для приграничных районов, население которых тесно связано с ближайшими иностранными рынками и, в значительной части состоит из граждан соседних государств. Насколько законодатель внимателен к интересам прирубежных районов и их населению, видно из отмены декрета о воспрещении обращения инвалюты в 50-ти вёрстной пограничной полосе. Более того, интересы ближайших торговых связей с иностранными рынками побудили отменить всякие ограничения по ввозу из-за границы иностранной валюты, обусловив тем самым оживление внешнего товарооборота, в котором инвалюта является легальным платёжным средством.

Обращаясь непосредственно к операциям с иностранной валютой на Дальнем Востоке следует отметить их особое значение в условиях развивающегося транзитного грузооборота. В этом отношении здоровым и коммерчески необходимым операциям с иностранной валютой не ставится никаких препятствий» [15, с. 1].

Таким образом, постановление Губисполкома не вносило никаких существенных изменений в сформировавшуюся практику внутренних операций с иностранной валютой и воспроизводило аналогичное объявление Губисполкома, опубликованное ещё в декабре 1923 г. Постановление напомнило населению тот порядок производства операций с иностранной валютой, который фактически и существовал с момента освобождения региона и изменения которого в сторону каких-либо ограничений в ближайшее время не планировалось. Кроме того, это был один из элементов закончившейся 31 декабря 1924 г. реформы денежного обращения на Дальнем Востоке России.

Окончательно устранить влияние японской валюты на денежный рынок и экономику русского Дальнего Востока удалось к весне 1925 г., то есть спустя более чем два года после ухода японских интервенционистских сил [30, с. 358]. В 1925 г. правительство СССР установило в регионе такое же денежное обращение, как и в остальных частях страны [24, с. 57]. В рамках унификации на всей территории СССР денежного обращения и приведения его к одному стандарту было принято Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 января 1925 г. «О распространении единой системы денежного обращения Союза ССР на Дальне-Восточную область и Бурят-Монгольскую АССР», которое признавало единственными законными платёжными средствами, имеющими хождение на территории Дальнего Востока на тех же основаниях, как и в остальных частях СССР, «банковские билеты Государственного Банка Союза ССР, государственные казначейские билеты, серебряную и медную монету советского образца, а равно разменные боны» [38]. Вводился запрет для всех учреждений, предприятий и лиц на территории Дальнего Востока России производить и принимать платежи золотой и серебряной монетой дореволюционного образца, иностранной валютой, а также чеками и векселями, выписанными в иностранной валюте, за исключением платежей по сделкам с учреждениями и предприятиями, находящимися за границей. Срок введения в действие данного постановления был определён на всём Дальнем Востоке — 1 марта 1925 г., за исключением Камчатской губернии и Николаевского уезда Приморской губернии, где он был назначен на 15 апреля 1925 г. До указанных сроков НКФ СССР предписывалось беспрепятственно обменивать серебро дореволюционного образца на банковские билеты и казначейскую валюту по курсу 75 коп. золотом за 1 руб. банковым серебром дореволюционного образца по номиналу и 40 коп. золотом за 1 руб. билонным (разменным) серебром дореволюционного образца по номиналу [38]. Как отмечалось в «Обзоре финансовой работы» за 1925 г.: «Денежная реформа в истекшем полугодии завершена. Иностранная валюта не является больше деньгами; выкуплена у населения монета царской чеканки и её место полностью заняли казначейский билет, советское серебро и медь» [2, с. 75].

Постепенно Дальний Восток России включился в общесоюзное денежное обращение, хотя и сохранил свои некоторые специфические особенности. Советский червонец был введён в оборот не только государственными и кооперативными предприятиями, но и частным хозяйством, кроме того, он вышел на международный рынок, что позволило Советскому государству проводить валютные операции в Англии, Германии, Голландии, США и других странах. В докладе Дальревкома его председатель Я.Б. Гамарник

в феврале 1925 г. указывал: «...реформа нам удалась, она прошла безболезненно, она не отразилась на товарообороте области и дала возможность установить более тесную связь с СССР. Интересы народного хозяйства Дальнего Востока кровно требовали и требуют финансовой смычки народного хозяйства Дальнего Востока с общесоюзным народным хозяйством» [8, с. 138].

Таким образом, в течение первых лет существования советской власти на Дальнем Востоке России — с конца 1922 по 1925 г. — был проведён комплекс мероприятий по устранению из денежного оборота региона иностранной валюты, в частности — японской иены. Трудности и длительность этого процесса обусловили: фронтальное положение региона; прочные торговые связи с иностранными государствами, которые поставляли товары первой необходимости на его рынок, длительное пребывание на территории Дальнего Востока японских интервентов и финансовых организаций; агрессивная политика денежной и экономической экспансии в экономику региона, проводившаяся Японской империей в период военной интервенции. Органы советской власти целенаправленно шли на постепенное вытеснение иены с финансового рынка Дальнего Востока, учитывая её широкое хождение, с целью не допустить дестабилизации финансово-экономической ситуации. К концу 1925 г. роль российской валюты в регионе укрепляется, финансовая система Дальнего Востока сливается с общероссийской, происходит её огосударствление, централизация и унификация.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Акт правительства Дальне-Восточной республики о сложении власти // Дальне-Восточный телеграф. Чита, 1922. 16 ноября. № 382. С. 1.
2. Бобров А. Обзор финансовой работы (За первое полугодие 1924—1925 года) // Советское Приморье. Владивосток, 1925. Июнь. № 6. С. 75—84.
3. Борьба за Владивосток // Дальне-Восточный телеграф. Чита, 1922. 26 октября. № 365. С. 1.
4. Бюллетень Владивостокской Товарной Биржи. Владивосток, 1923. 18 октября. № 16. 26 с.
5. ВЦИК утвердил Дальревком // Дальне-Восточный телеграф. Чита, 1922. 17 ноября. № 383. С. 1.
6. Вытеснение иены из Маньчжурии // Красное знамя. Владивосток, 16 марта. 1924. № 1079. С. 1.
7. Дальневосточный съезд финансовых работников. Сборник материалов и стенографических отчётов. Чита, 1923. 242 с.
8. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 — начало 1941 года / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток: Дальнаука, 2018. 656 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2).
9. Дальсовнарком. 1917—1918 гг. Сборник документов и материалов / под ред. В.С. Флерова. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1969. 373 с.
10. Декларация Дальревкома // Дальне-Восточный телеграф. Чита, 1922. 17 ноября. № 383. С. 1.
11. Денежное обращение в деревне // Красное знамя. Владивосток, 1925. 13 февраля. № 7. С. 4.

12. Денежное обращение в Приморье // Красное знамя. Владивосток, 1922. 1 декабря. № 56. С. 1.
13. Денежное обращение на русском Дальнем Востоке с 1918 по 1924 гг.: приложение к отчёту Дальне-Восточного акционерного банка за 2-й операционный год, январь — сентябрь 1923 год. Чита, 1924. 44 с.
14. Для пользы и процветания: из истории экономических связей Российского Дальнего Востока со странами АТР (1856—1925 гг.): документы и материалы / сост. и ред. Н.А. Троицкая. Владивосток: Дальнаука, 2012. 593 с.
15. Завершение денежной реформы и инвалюта // Красное знамя. Владивосток, 1925. 4 января. № 1318. С. 1.
16. Заседание Совдепа // Красное знамя. Владивосток, 1922. 14 ноября. № 43. С. 3.
17. Знаменский С.Ф. Кредит и банки // Советское Приморье. Владивосток, 1925. Ноябрь. № 11. С. 104—115.
18. Иена не эвакуируется // Родина. Владивосток, 1922. 12 августа. № 26. С. 1.
19. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного комитета. М., 1923. 8 августа. № 176.
20. Иностранная валюта и денежная реформа // Красное знамя. Владивосток, 1924. 19 декабря. № 1307. С. 2.
21. Исаков А.Н. История торговли на Северо-Востоке России (XVII—XX вв.). Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1994. 260 с.
22. Курсель К.П., Лукасюк А.А. Денежное обращение на русском Дальнем Востоке с 1918 по 1924 год / под ред. Б.М. Берлацкого. Чита: Книжное дело, 1924. 64 с.
23. Куртеев К.К. Итоги денежной реформы в Приморье // Советское Приморье. Владивосток, 1925. Апрель. № 4. С. 3—11.
24. Ленская Т.Ю. Главное управление банка России по Приморскому краю: к 120-летию создания // Деньги и Кредит. 2013. № 12. С. 54—59.
25. Местные Советы Приморья: Страницы истории: сб. док., 1922—1985 гг. / под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1990. 327 с.
26. О порядке внутреннего обращения иностранной валюты и валютных операций // Красное знамя. Владивосток, 1924. 7 декабря. № 1297. С. 6.
27. Обращение инвалюты // Красное знамя. Владивосток, 1924. 27 ноября. № 1278. С. 5.
28. Объявление // Красное знамя. Владивосток, 1924. 22 мая. № 1131. С. 4.
29. Орлов А.Д. Финансовое положение Приморья // Приморье, его природа и хозяйство. Владивосток: Примгубвыстбюро, 1923. С. 263—288.
30. Османов Е.М. Японские деньги на Дальнем Востоке России в годы Русско-японской (1904—1905) и Гражданской (1917—1923) войн // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. № 3. С. 353—359.
31. Пастухова Е.И. Денежное обращение на Дальнем Востоке в период советизации. 1922—1922 гг. // Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию окончания Гражданской войны и иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2002. С. 135—144.
32. Пастухова Е.И. Первые мероприятия Советской власти в сфере денежного обращения на российском Дальнем Востоке. 1917—1918 гг. // Приамурье от первопроходцев до наших дней. Материалы регион. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2003. С. 175—182.
33. Пастухова Е.И. Финансово-денежная деятельность политических режимов на Дальнем Востоке России (1917—1924 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2005. 236 с.
34. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 — октябрь 1918): Документы и материалы / отв. ред. Б.И. Мухачёв, М.И. Светачев. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1997. 304 с.

35. Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914—1924). Харбин, 1924. 419 с.
36. Понижение иены // Красное знамя. Владивосток, 1924. 16 марта. № 1079. С. 1.
37. Постановление Народного собрания ДВР // Дальне-Восточный телеграф. Чита, 1922. 16 ноября. № 382. С. 1—2.
38. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 января 1925 о распространении единой системы денежного обращения союза ССР на Дальне-Восточную область и Бурят-Монгольскую АССР. URL: http://fox-notes.ru/gezetz/gezetz_00018.htm (дата обращения: 02.12.2021).
39. Приказ о занятии Владивостока // Дальне-Восточный телеграф. Чита, 1922. 26 октября. № 365. С. 1—2.
40. Русский край. Владивосток, 1921. 16 июня. С. 1.
41. Русский край. Владивосток, 1921. 18 июня. С. 1—2.
42. Русский край. Владивосток, 1921. 5 августа. С. 1.
43. Самойлов М.В. Первое полугодие деятельности Госбанка в Приморье // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. Январь. № 1 (5). С. 56—72.
44. Сенилов Б.В. Военные деньги в Гражданской войне в России 1918—1922 гг. // Коллекционер. 2001. № 36—37. С. 271—309.
45. Слабнина Л.А. Денежная реформа 1924 г. и особенности её проявления на Дальнем Востоке // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах: материалы III междунар. науч. конф. Благовещенск, 27—28 мая, 2003 г. Благовещенск, 2019. С. 230—233.
46. Слабнина Л.А. От керенок к совдензнакам // Россия и АТР. 1998. № 3. С. 17—27.
47. Становление банковского дела: инт. с начальником ГУ Банка России по Приморскому краю, доктором экономических наук, профессором, академиком РАЕН Виктором Рудько-Силивановым // Владивосток. № 3476. 22.01.2014. URL: https://vladnews.ru/ev/vl/3476/37132/stanovlenie_bankovskogo (дата обращения: 02.12.2021).
48. Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917—1922 гг.). Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012. 245 с.
49. Щелоков А.А. Интервенция штыка и иены // Филателия СССР. 1988. № 10. С. 60—61.
50. 日本貨幣カタログ = Каталог японских монет и банкнот. Токио: 凸版印刷株式会社, 2014. 302 с.
51. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Akt pravitel'stva Dal'ne-Vostochnoy respubliki o slozhenii vlasti [Act of the Government of the Far Eastern Republic on the Resignation of Power]. *Dal'ne-Vostochnyy telegraf*, Chita, 1922, 16 November, no. 382, p. 1. (In Russ.)
2. Bobrov A. Obzor finansovoy raboty (Za pervoe polugodie 1924—1925 goda) [Review of Financial Work (for the First Half of 1924—1925)]. *Sovetskoe Primor'e*, Vladivostok, 1925, June, no. 6, pp. 75—84. (In Russ.)
3. Bor'ba za Vladivostok [The Struggle for Vladivostok]. *Dal'ne-Vostochnyy telegraf*, Chita, 1922, 26 October, no. 365, p. 1. (In Russ.)
4. *Byulleten' Vladivostokskoy Tovarney Birzhi* [Bulletin of the Vladivostok Commodity Exchange]. Vladivostok, 1923, 18 October, no. 16, 26 p. (In Russ.)

5. VTSIK utverdil Dal'revkom [VTSIK Approved Dal'revkom]. *Dal'ne-Vostochnyy telegraf*, Chita, 1922, 17 November, no. 383, p. 1. (In Russ.)
6. Vytesnenie ieny iz Man'chzhurii [The Displacement of the Yen from Manchuria]. *Krasnoe znamya*, Vladivostok, 16 March, 1924, no. 1079, p. 1. (In Russ.)
7. *Dal'nevostochnyy s'ezd finansovykh rabotnikov. Sbornik materialov i stenograficheskikh otchetov* [Far Eastern Congress of Financial Workers. Collection of Materials and Verbatim Reports]. Chita, 1923, 242 p. (In Russ.)
8. *Dal'niy Vostok Rossii v epokhu sovetskoy modernizatsii: 1922 — nachalo 1941 goda* [The Russian Far East in the Era of Soviet Modernization: 1922 — Early 1941]. General ed. by V.L. Larin; executive ed. L.I. Gallyamova. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2018, 656 p. (Istoriya Dal'nego Vostoka. T. 3. Kn. 2) [The History of the Far East. Vol. 3. Book 2]. (In Russ.)
9. Dal'sovnarkom. 1917—1918 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Dal'sovnarkom. 1917—1918. Collection of Documents and Materials]. Ed. by V.S. Flerov. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1969, 373 p. (In Russ.)
10. Deklaratsiya Dal'revcoma [Declaration of Dal'revkom]. *Dal'ne-Vostochnyy telegraf*, Chita, 1922, 17 November, no. 383, p. 1. (In Russ.)
11. Denezhnoe obrashchenie v derevne [Money Circulation in the Village]. *Krasnoe znamya*, Vladivostok, 1925, 13 February, no. 7, p. 4. (In Russ.)
12. Denezhnoe obrashchenie v Primor'e [Monetary Circulation in Primorye]. *Krasnoe znamya*, Vladivostok, 1922, 1 December, no. 56, p. 1. (In Russ.)
13. *Denezhnoe obrashchenie na russkom Dal'nem Vostoke s 1918 po 1924 gg.: prilozhenie k otchetu Dal'ne-Vostochnogo aktsionernogo banka za 2-y operatsionnyy god, yanvar' — sentyabr' 1923 god* [Monetary Circulation in the Russian Far East from 1918 to 1924: Appendix to the Report of the Far Eastern Joint Stock Bank for the Second Operating Year, January — September 1923]. Chita, 1924, 44 p. (In Russ.)
14. *Dlya pol'zy i protsvetaniya: iz istorii ekonomicheskikh svyazey Rossiyskogo Dal'nego Vostoka so stranami ATR (1856—1925 gg.): dokumenty i materialy* [For the Benefit and Prosperity: From the History of Economic Relations of the Russian Far East with the Countries of the Asia-Pacific Region (1856—1925): Documents and Materials]. Comp. and ed. by N.A. Troitskaya. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2012, 593 p. (In Russ.)
15. Zavershenie denezhnoy reformy i invalyuta [Completion of Monetary Reform and Foreign Currency]. *Krasnoe znamya*, Vladivostok, 1925, 4 January, no. 1318, p. 1. (In Russ.)
16. Zasedanie Sovdepa [Meeting of the Soviet of Deputies]. *Krasnoe znamya*, Vladivostok, 1922, 14 November, no. 43, p. 3. (In Russ.)
17. Znamenskiy S.F. Kredit i banki [Credit and Banks]. *Sovetskoe Primor'e*, Vladivostok, 1925, November, no. 11, pp. 104—115. (In Russ.)
18. Iena ne evakuiруется [The Yen Is Not Evacuated]. *Rodina*, Vladivostok, 1922, 12 August, no. 26, p. 1. (In Russ.)
19. *Izvestiya Vserossiyskogo Tsentral'nogo Iсполnitel'nogo komiteta* [News of the All-Russian Central Executive Committee]. Moscow, 1923, 8 August, no. 176. (In Russ.)
20. Inostrannaya valyuta i denezhnaya reforma [Foreign Currency and Monetary Reform]. *Krasnoe znamya*, Vladivostok, 1924, 19 December, no. 1307, p. 2. (In Russ.)
21. Isakov A.N. *Istoriya torgovli na Severo-Vostoke Rossii (XVII—XX vv.)* [History of Trade in the North-East of Russia (the 17th — 20th Centuries)]. Magadan, Magadanskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1994, 260 p. (In Russ.)
22. Kursel' K.P., Lukasyuk A.A. *Denezhnoe obrashchenie na russkom Dal'nem Vostoke s 1918 po 1924 god* [Monetary Circulation in the Russian Far East from 1918 to 1924]. Ed. by B.M. Berlatskiy. Chita, Knizhnoe delo Publ., 1924, 64 p. (In Russ.)

23. Kurteev K.K. Itogi denezhnoy reformy v Primor'e [The Results of the Monetary Reform in Primorye]. *Sovetskoe Primor'e*, Vladivostok, 1925, April, no. 4, pp. 3—11. (In Russ.)
24. Lenskaya T.Yu. Glavnoe upravlenie banka Rossii po Primorskoy krayu: k 120-letiyu sozdaniya [The Main Directorate of the Bank of Russia of the Primorye Region: On the 120th Anniversary of Its Foundation]. *Den'gi i Kredit*, 2013, no. 12, pp. 54—59. (In Russ.)
25. *Mestnye Sovety Primor'ya: Stranitsy istorii: sb. dok., 1922—1985 gg.* [Local Councils of Primorye: Pages of History: A Collection of Documents, 1922—1985]. Ed. by A.I. Krushanov. Vladivostok, Dal'nevostochnoe knizhnoe izd-vo Publ., 1990, 327 p. (In Russ.)
26. O poryadke vnutrennego obrashcheniya inostrannoy valyuty i valyutnykh operatsiy [On the Procedure for the Internal Circulation of Foreign Currency and Foreign Exchange Transactions]. *Krasnoe znamya*, Vladivostok, 1924, 7 December, no. 1297, p. 6. (In Russ.)
27. Obrashchenie invalyuty [Circulation of Foreign Currency]. *Krasnoe znamya*, Vladivostok, 1924, 27 November, no. 1278, p. 5. (In Russ.)
28. Ob'yavlenie [Announcement]. *Krasnoe znamya*, Vladivostok, 1924, 22 May, no. 1131, p. 4. (In Russ.)
29. Orlov A.D. Finansovoe polozhenie Primor'ya [Financial Situation of Primorye]. *Primor'e, ego priroda i khozyaystvo* [Primorye, Its Nature and Economy]. Vladivostok, Primgubvystbyuro Publ., 1923, pp. 263—288. (In Russ.)
30. Osmanov E.M. Yaponskie den'gi na Dal'nem Vostoke Rossii v gody Russko-yaponskoy (1904—1905) i Grazhdanskoy (1917—1923) voyn [Japanese Money in the Russian Far East during the Russo-Japanese (1904—1905) and the Civil (1917—1923) Wars]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2009, no. 3, pp. 353—359. (In Russ.)
31. Pastukhova E.I. Denezhnoe obrashchenie na Dal'nem Vostoke v period sovetsizatsii. 1922—1922 gg. [Monetary Circulation in the Far East during Sovietization. 1922—1922]. *Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 80-letiyu okonchaniya Grazhdanskoy voyny i inostrannoy voennoy interventsii na Dal'nem Vostoke* [Proceedings of the International Applied Science Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the End of the Civil War and Foreign Military Intervention in the Far East]. Blagoveshchensk, 2002, pp. 135—144. (In Russ.)
32. Pastukhova E.I. Pervye meropriyatiya Sovetskoy vlasti v sfere denezhnogo obrashcheniya na rossiyskom Dal'nem Vostoke. 1917—1918 gg. [The First Measures of the Soviet Government on Monetary Circulation in the Russian Far East. 1917—1918]. *Priamur'e ot pervoprokhodtsev do nashikh dney*. Materialy region. nauch.-prakt. konf. [The Amur Region from Pioneers until Today. Proceedings of the Regional Applied Science Conference]. Blagoveshchensk, 2003, pp. 175—182. (In Russ.)
33. Pastukhova E.I. *Finansovo-denezhnaya deyatel'nost' politicheskikh rezhimov na Dal'nem Vostoke Rossii (1917—1924 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Financial and Monetary Activity of Political Regimes in the Russian Far East (1917—1924): PhD in History]. Blagoveshchensk, 2005, 236 p. (In Russ.)
34. *Podgotovka i nachalo interventsii na Dal'nem Vostoke Rossii (oktyabr' 1917 — oktyabr' 1918): Dokumenty i materialy* [Preparation and the Beginning of the Intervention in the Russian Far East (October 1917 — October 1918): Documents and Materials]. Executive ed. B.I. Mukhachev, M.I. Svetachev. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 1997, 304 p. (In Russ.)
35. Pogrebetskiy A.I. *Denezhnoe obrashchenie i denezhnye znaki Dal'nego Vostoka za period Voyny i Revolyutsii (1914—1924)* [Monetary Circulation and Banknotes of the Far East during the War and Revolution (1914—1924)]. Kharbin, 1924, 419 p. (In Russ.)

36. Ponizhenie ieny [Yen Decline]. *Krasnoe znamya*, Vladivostok, 1924, 16 March, no. 1079, p. 1. (In Russ.)
37. Postanovlenie Narodnogo sobraniya DVR [Resolution of the People's Assembly of the Far Eastern Republic]. *Dal'ne-Vostochnyy telegraf*, Chita, 1922, 16 November, no. 382, pp. 1–2. (In Russ.)
38. *Postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 30 yanvarya 1925 o rasprostraneni edinoj sistemy denezhnogo obrashcheniya soyuza SSR na Dal'ne-Vostochnuyu oblast' i Buryat-Mongol'skuyu ASSR* [Resolution of the CEC of the USSR, the Council of People's Commissars of the USSR of January 30, 1925, on the Extension of the Unified System of Monetary Circulation of the USSR to the Far Eastern Region and the Buryat-Mongolian ASSR]. Available at: http://fox-notes.ru/gezetz/gezetz_00018.htm (accessed 02.12.2021). (In Russ.)
39. Prikaz o zanyatii Vladivostoka [The Order to Occupy Vladivostok]. *Dal'ne-Vostochnyy telegraf*, Chita, 1922, 26 October, no. 365, pp. 1–2. (In Russ.)
40. *Russkiy kray*, Vladivostok, 1921, 16 June, p. 1. (In Russ.)
41. *Russkiy kray*, Vladivostok, 1921, 18 June, p. 1–2. (In Russ.)
42. *Russkiy kray*, Vladivostok, 1921, 5 August, p. 1. (In Russ.)
43. Samoylov M.V. Pervoe polugodie deyatelnosti Gosbanka v Primor'e [The First Half of the Year of the Activity of the State Bank in Primorye]. *Ekonomicheskaya zhizn' Primor'ya*, Vladivostok, 1924, January, no. 1 (5), pp. 56–72. (In Russ.)
44. Senilov B.V. Voennye den'gi v Grazhdanskoy voyne v Rossii 1918–1922 gg. [War Money in the Russian Civil War of 1918–1922]. *Kollektsioner*, 2001, no. 36–37, pp. 271–309. (In Russ.)
45. Slabnina L.A. Denezhnaya reforma 1924 g. i osobennosti ee proyavleniya na Dal'nem Vostoke [The Monetary Reform of 1924 and the Peculiarities of its Manifestation in the Far East]. *Rossiya i Kitay na Dal'nevostochnykh rubezhakh: materialy III mezhdunar. nauch. konf. Blagoveshchensk, 27–28 maya, 2003 g.* [Russia and China in the Far Eastern Borders: Proceedings of the Third International Scientific Conference, 27–28 May 2003, Blagoveshchensk]. Blagoveshchensk, 2019, pp. 230–233. (In Russ.)
46. Slabnina L.A. Ot kerenok k sovdenznakam [From Kerenka to Sovdenznak]. *Rossiya i ATR*, 1998, no. 3, pp. 17–27. (In Russ.)
47. Stanovlenie bankovskogo dela: int. s nachal'nikom GU Banka Rossii po Primorskomu krayu, doktorom ekonomicheskikh nauk, professorom, akademikom RAEN Viktorom Rud'ko-Silivanovym [The Formation of Banking: Interview with the Head of the Main Branch of the Bank of Russia of the Primorye Region, Doctor of Economics, Professor, Academician of RANS Victor Rudko-Silivanov]. *Vladivostok*, no. 3476. 22.01.2014. Available at: https://vladnews.ru/ev/vl/3476/37132/stanovlenie_bankovskogo (accessed 02.12.2021). (In Russ.)
48. Tsipkin Yu.N. *Grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke Rossii: formirovanie antibol'shevistskikh rezhimov i ikh krushenie (1917–1922 gg.)* [The Civil War in the Russian Far East: Formation of Anti-Bolshevik Regimes and Their Collapse (1917–1922)]. Khabarovsk, Khabarovskiy kraevoy muzey im. N.I. Grodekova Publ., 2012, 245 p. (In Russ.)
49. Shchelokov A.A. Interventsiya shtyka i ieny [Bayonet and Yen Intervention]. *Filatel'iya SSSR*, 1988, no. 10, pp. 60–61. (In Russ.)
50. *日本貨幣カタログ* [Catalog of Japanese Coins and Banknotes. Compiler: Association of Numismatists and Notaphilists of Japan]. Tokio, 凸版印刷株式会社 Publ., 2014, 302 p. (In Jap.)

Дата поступления в редакцию 26.01.2022